

ДВА РАССКАЗА

Прыщик

Соню в институт не взяли. То есть за деньги-то брали, а бесплатно – увы. Денег у семьи не было, и она пошла в пэтэуху на закройщицу. А ей уж хотелось замуж. Начала бродить восточинка в ее крови, и пошло раннее созревание.

Насчет переспать все девки нынче яблочки раннего сорта, а ей – замуж. Дед у Сони был айсор-сапожник, и оттого Соня черненькая, кудрявая, с изящным, но длинноватым носиком, даже и с горбинкой. Её за такой носик звали и считали жидовкой. Имя подтверждало подозрения, и Соня уже пеняла родителям за неудачный выбор.

Но и сама Соня выбрала пэтэуху неудачно. У них была только одна группа, куда шли парни. И ловить жениха было трудно. Да и парнишки там были не очень – из них кто неосознанно, а кто, наверное, с прямым расчетом робко чалился поближе к девкам, и швейное училище было как раз в тему.

А Соне надо было идти туда, где учат все больше на электриков да плотников, а мужской пролетариат это дело любит. Соня, конечно, в плотники не собиралась, но был там и бухучет, а это уже теплее.

До того заведения нужно было ехать с пересадкой, и Соня, дура, убоялась длинной дороги. Но поправить еще не поздно, и Соня, повзрослевшая стремительно, подумала летом переиграть увертюру своей судьбы: жизнь ей, она уже поняла, предстоит ковать своими слабыми руками.

Она вообще тихо, но быстро созревала.

Посмотрите, почувствуйте, как ранней весной деревья готовятся к лету и теплу. Солнце еще только слегка поворачивает на весну, капель с крыш разучивает гаммы, и морозит еще по-зимнему, но березы уже что-то ощущают. Елям все равно, и они стоят как монахи, а вот другие деревья, кому предстоит гнать из почек листья, уже что-то понимают, и тайное тепло поднимается снизу вверх.

У деревьев – от корней, а у юного человечка – от лобка, где делается горячо.

Подушка тоже горячая, белая бессонница полна мучительным волнением, и даже маневровый электровозик со станции погуживает так пронзительно, словно и он почувял весну. И чумазые от нефти бока железных цистерн остро пахнут, как самки во время течки.

Одним словом, плохо дело.

Соне приснился стыдный сон. Она делала все-все-все, что увидела вечером на сайте. Надо поставить пароль, хотя отруби даже включать компьютер не умеют, но все-таки.

Пошла вынести ведро до помойки. «Ведро-бедро», пропищал в ней голосок.

Было еще утро, но козлы на детской площадке уже собрались все, играли в карты. Главный – потому что красивый – козелок крутился на карусели точно с такой скоростью, чтобы успеть к своей очереди бросить карту на обитый жестью стол.

Если бы не алюминиевое железо, взрослые придурки давно бы раздолбали своими доминошками этот стол, облитый пивом, с прилипшими намертво чешуйками и косточками от воблы.

Голуби ворковали, толстый сизый взгромоздился на голубицу и, клювом деликатно придерживая за шиворот, всей своей тушкой издавал звуки страсти, деликатно при этом прикрыв хвостом рабочую область совокупления. Парни, шлепая картами, громко одобряли это дело, рассматривая идущую мимо Соньку.

– В тему! – заорал парень со своей карусели и вклепил туза козырного. Победа и выигрыш.

Во двор вбегает радостная девка из параллельной группы, Сонька ее знает и дружит.

– «Положительная!», – закричала девка Светка, улыбаясь парням. Ее погнали сдать анализ на ВИЧ, и вот она, дура тупая, радовалась положительному – хорошему, значит, – тесту.

Красивый парнишка слез с своей карусели и пиво допивать не стал, а побрел домой на разом ослабевших ногах.

Неделю, что ли, назад они со Светкой перепихнулись по-скоренькому в гараже и уговорились дальше дружить, да все времени не хватало. И вот теперь ему тоже надо на анализ, и что он покажет, еще неизвестно.

А играли парни не на пиво – на Соньку, последнюю неувещленную деваху, и красавчик опять выиграл. Но теперь раздумал. Пролетело, Сонька так и не узнала никогда, что, мимо нее. У красавчика, который не нравился своими кудрями и нахальным взором, тест тоже был положительный.

Весь Сонин район Лихой Бугор стоял наособицу, занимая излуку бывшей реки, которую поедал жадный город, а остатки допивали вётлы, ивы – да не пойми чего падали на русло, и по стволам можно было ползать с берега на берег. На той стороне – Сукино Болото, застроенное промзоной. Когда настали времена новые, в которые Сонька и появилась на свет, еще до появления Макдоналдса земля эта стала из заброшенной, проклятой – землей золотой. Туда проложили новенькую дорогу, и с красивым баритонным рыком шли важные грузовики, длинные, как поезд, с громадными не по-русски надписями, читать которые замирало сердце, так Соне хотелось попасть в дальние края.

Взрослые говорили, что там была частная чья-то «таможная», а чья – знать не полагалось. Да Соне и неинтересно.

Под стук домино и мать-перемать много чего можно услышать, если не тыриться слишком близко, а крутиться на ножке и притворяться совсем маленькой и глупой.

А на горизонте и из-за него высился тяжелым чудищем комбинат. В темноте большой, лохматый, весь в космах дыма и пара, на закате насквозь, через большие окна цехов, багровел золотыми лучами заката, и в этой лавине огня ядовито белели прожекторы, которые не гасили по периметру никогда, потому что завод был секретный. Кружками и пластинками тех секретов играли дети во дворах, но свет не гасили никогда.

Соня боялась страшного темной зимой силуэта, а летом бояться перестала, а к следующей зиме выросла и стало не до детских страхов. Только решила про себя, что туда не пойдет, не уговаривайте, и зачем ей пенсия на пять лет раньше, глупости какие.

Ремеслуху перевели совсем на самообслуживанье. Сами пэтэушники и в столовке управлялись, и убирали, и в гардеробе дежурили. И вот принимает пальто славный такой парень из электрической группы, которого Сонька раньше вовсе не замечала. Принимает, короче, парнишка Сонькино куцее пальтецо, на которое мама нашла этот отстойный воротник из старого песка. И вовсе не торопится

повесить его на крючок, а окунается всей прыщавой мордой в воротник и вдыхает фитонциды таинственного девического существа.

Запахи духов, помады и нежного женского пота волнуют дурачка до беспамятства.

Наша Соня это все видит.

После всех занятий она тянет резину, чтобы уйти последней. Выходят они с будущим электриком вдвоем.

Сегодня праздник всех трудящихся. По этому случаю у нас в спортзале бал. Ну, он так только называется, а придут парни поддатые, принесут выпивки в грелках под ремнем, колес. Парни будут хлопать девиц по жопкам, а те отвечать пенделями, но не сильно, а любя.

Избранник был глуп, как щенок, но породы незлой, и Соня его записала в свои женихи. По этому случаю Соня готовилась с вдохновением. Из-за такой бури и натиска чувств все шло наперекосяк. Ну, это мы с вами, читатель, знаем. Обжигая язык чайным кипятком, запинаясь об углы и стулья, укальываясь об иглу, собираемся туда, где нас ожидает что-то особенное, наш приз после долгих дней серого. Все, что было ладно и в пору, ломается, молния рвет одежду и ломается сама – и так далее.

К тому же Соня увидела в желтую треснутую трюму, что на проклятом носу вскочил прыщик.

Надо его выдавить. Прыщик защищал свое беззаконное существование и сделался красным прыщом. Соня хватает первое попавшееся – пыльного, когда-то любимого друга мишку – и запускает им в мамашу, которая сдуру присоветовала прыщик выдавить.

Соня еще не знает, что в этот миг кончилось ее детство.

И сразу же началась истерика. Соня размазала весь макияж по морде, а мама в это время пришивала к гипюру брошку с камешком, потому что она была, по ее мнению, золотая и дорогая, и чтоб не потерялась.

А прыщик из розового стал багровый, затушевываться никак не желал, нос сделался еще длинней, от расстройства и от румян китайских на ее щечках, обычно лилейно-гладких, пошли пятна. Короче, на танцы Соня решила не ехать, и с такой мыслью упадает на диван реветь.

Но тут запел телефон, и парень, назначенный Соней в женихи, сказал, что ждет у входа. За его голосом была слышна музыка. «У входа», – сказал пацан – и подписал себе свадебный, еще до армии, приговор. Ведь это значило, что влюбился, что не на танцы грёбанные пришел, а на свидание, и никого больше не хочет.

Соня взяла свою чахлую заначку и полетела на такси.

Старинные советские песни снова стали в моде. Длинноволосые пухлые парни в телевизоре изображали трактористов и солдат-матросов на побывке и гнали байду про верность и всякие крупные чувства. Голенастые звезды в серебряных ботфортах и с кувшином в руках, означающим большие колхозные удои, закатывали глаза – им такое к себе отношение нравилось. Нравилось оно и нашей молодежи, особенно девицам, и они даже соглашались оставаться дома у ящика с мамками-бабками. А уж у тех даже морщины расправлялись, и эта ванильная плесень размасливалась от воспоминаний. И мы, читатель, не будем ломиться в душу и рассказывать, что правда жизни ловко и незаметно подменяется лукавой, но такой сладкой правдой искусства – подобно тому, как у дедушки Толстого шулер вытягивает из-под шелкового кушака крапленую колоду, где у него все дамы, вальты с королями растасованы как надо. Не трехсменка всю жизнь, не капли сердечные да завыванье скорой, а сердечные признанья под гармошку, зорьки ясные – вот что правда, где все дамы с валетами сходятся.

Автор же выставил свой фейс из-за нетей и принялся учить да рассуждать не вовремя затем только, что он желает своей юной героине добра.

На училищное музыкальное орудие, купленное на их же наработанные стажировкой деньги, сегодня всю дорогу ставились диски с такими песнями. Танцевать под них нужно было вальсы да фокстроты, но таких отстойных древностей никто не умел. Как обезьяны, парни пригибались, лапали девок за обводы, и это был кайф.

Буфета, считай, не было. Пепси да слойки – это не буфет.

Драка, к счастью, была, украсила тягомотину танцев под присмотром взрослых, которые приперлись, чтобы кто чего не учудил.

Особо присматривали, чтобы не наглопались колес. Дуроватая старшая рать, плесень, не знает ведь, что к колесам нужен всего-то... ну, маленьким знать не надо, а стареньким поздно, и можно делать данс-данс хоть до утра.

Всю обратную дорогу они не садились, хотя мест было полно в поздний час. Парень вцепился в поручень и нависал над ней и казался ростом выше, чем был. Соня еще не выдышала из себя возбуждение вечера и была красивая, глаза горели. Парень чуть пьяненький и нависал, наваливался на нее. И Соне захотелось вдруг, чтобы он совсем на нее лег.

А прыщик почувствовал себя третьим лишним и исчез.

Много воды утекло, много чего было. Собственно, ничего особенного как раз не было: паренек быстренько сделался мужем, загремел в армию, но вернулся благополучно. Наша Соня стала мама и снова из декрета пошла на фабрику. И я рад заметить, что в коллективе она на хорошем счету.

Вот сидят они за столом, покрытым по такому случаю новой клеенкой, выпивают и разговаривают.

– А я ведь, Котик, в тот вечер раздумала на танцы прийти: прыщик у меня на носу выскочил, а я его давить – так он только больше сделался. У девок ведь всякие пустяки на уме – красоты хочется. Вот в маму чем-то запулила, плакала как дура. Ты вовремя позвонил.

У Котика руки стали длинные от тяжелых железяк, которым он как нянька за деньги хреновые, и он уже после пятой хочет спать, но держит марку перед Сонькиной родней, да и пельмени не съедены и бухло еще есть.

– А я не заметил никакого прыщика, – деликатничает муж. Врет. Заметил он, конечно. Но почему-то сердце на эту заметку стукнуло нежно.

А еще он заметил, как на «у входа» красивый Сонин голосок зазвенел по телефону лукаво, и он понял, что прокололся и попался.

2008

Большая дубовая бочка

Завод хорош. Чудище огромно, стозевно и лаяй.

Цехи его растут вверх громадой высоких этажей, а по ребрам корпусов тянутся серебряные и черные шупальца труб, из которых растут трубы поменьше и тоже тянутся, тянутся вверх и по эстакадам улетают вбок.

Батареи градирен всегда увенчаны плюмажами пара.

На овершьях труб красные негасимые огни – отпугивать птиц и самолеты. Ну, положим, порядочные птицы, гуси-лебеди всякие, сами отруливают вбок еще при

подлете к поселку – запах и разноцветный, как патлы панка, дым натягивает ветром далеко окрест, а вольным тварям неохота все это нюхать.

За цехами Белое море, где отстаиваются и испаряются отходы, – а пахнут они плохо, но все же куда лучше, чем отходы человеческие либо скотьи.

Время от времени сокровенное нутро завода прочищается огнем – и кольца пламени вылетают из огромной гортани. Пламя хохочет и ворчит, обдавая окрестность, бараки, лес и тучи багрово-серным светом. Тяжелый дух расточается окрест, и весь наш город кашляет. Даже грибники-ягодники в окрестных болотах перхают и бегут на пригорок, где ветерок отдувает желтый туман.

Комаров долго не слышно после таких дней – они той желтой двуокисью побиты. Но потом жизнь берет свое, и комариная тьма снова пьет кровь трудящего человека, который пошел за грибами или рыбачит в выходной.

Прямо из-под окрестных земель и издалека везут солёную руду и едкое млеко, дабы кормить комбинатов утробу. И сдабривается это все добро некоторыми тонкими эссенциями, а также и спиртом, что течет по отдельным стеклянным трубам, издевательски булькая и играя чистыми струями. На устье трубы, понятное дело, пломбы и строгий цербер-заливщик этой драгоценности, который за особо хороший оклад и строгий догляд неприступен, аки цепной пес, пытались и так и этак – не получается.

А стырили сразу большую бочку. Потому, что они, бочки, дубовые, и от девок лабораторских весь поселок знал, что спиртыга никакой не особый и ядовитый, а питьевой, не надо ля-ля.

Триста литров – это вам не шутки. Народу у нас много, и все хотят, даже и непьющие – для ремонтных забот и копки огорода. Короче, пошла торговля. Заводское начальство назначило премию тому, кто найдет. Не спирт искало начальство, цена ему копейки, а схему, дырку, через какую сумела народная смекалка увезти с завода такую большую вещь. Так и не узнало, что с завода ничего не взяли, а – не довезли. По накладной все было в полном гламуре. Я детали дела знаю, но расскажу при встрече и, понятно, не за так, если кто интересуется подробностями.

Красиво сделали.

Охрана с завода рыла, рыла – пусто. Менты тянут-потянут – вытянуть не могут, закрыли дело. А бочку пустили в розлив по бутылкам водочным, пробки запечатали, все культур-мультир.

Жизнь в поселке на какое-то время стала баская. Народ выполз на бутылку да теплую погоду под тополя и сирень. Листочки еще не засыпаны солёной пылью и не дырявые. Не гусеницы их дырявят, а серные дожди. Нейлоновые рубашки тут вышли из моды раньше, чем в других местах: дождичек, пролетая сквозь наши дымы, делается едучий и прожигает малюсенькие дырки. А хлопку ничего. Правильно говорят в газетах: живое, природное – лучше. Мы вот тоже живем тут – и хоть бы хны.

Наискось шоссе – колеи. Заводы тут серьезные, без железной дороги никак, и гуляючи до магазина или еще куда, можно долго ждать, пока протянут вагоны. Просто же прошвырнуться народ любит мимо хлебозавода, особенно вечером: дух идет от свежей выпечки густой и приятный, прямо-таки обволакивает и позывает на лирику. Если вы женихаетесь, то с веточкой-махалочкой от комаров пройтись со своей пассивей любю.

Соловей милицейской ловитвы слышен издалека. Парнишка на мотоцикле пролетел мимо, патлы развеваются, сапоги резиновые с ботфортами уперты в педали. До сараек ему недалеко осталось, а в этом шанхае он скроется. Мы рады за парня и за себя – нам натуральное кино с погоней.

Гудели майские жуки и разговоры. Матюжок под глоток гуще, но незлой, а для крашенья слога.

Под хорошее настроение и такой случай выдал мне мужик из соседнего дома каменного, большого, в пять этажей, тайну про сгинувшего слесаря. Не сгинул он, а погинул. На позапрошлой профилактике послали мужика посмотреть на главном чане мотор, который лопасти крутит, чтобы масса равномерно застывала.

И зайди тот слесарюга к моему визави признаться стакан жидкости для протирки контактов – так это у них аккуратно называлось. Там еще мужик был, всего, значит, трое, так что сам понимаешь. Поднялись они наверх и сели у чана, огромного, как озеро. Налили, выпили. И мужик загляделся, как лопасти волну делают, будто две большие рыбины ходят под поверхностью. Замечтался мужик или головка закружилась, а только бултых туда. Товарищи его не в первый момент заприметили, а как посмотрели – только одни боты и торчат, и корефан ими даже и не качает. Сразу, видать, помер. Что делать? Пытались, конечно, вынуть друга из массы, да только вымазались в белой гадости. И отпустили тело на волю волн, где его химия быстро съела. Она и нас ест – не подавится. Условились молчать. Год молчок, два. Вот на третий тебе рассказываю – а зачем, сам не знаю. Спиртик хороший, только на разговор развязывает. Но надо же душу облегчить, хоть мы и не виноваты.

Некоторые женщины, которые понимающие, выносят закуску и ждут приглашения. Почему-то женщины в дурачка играют, даже в шашки, даже в билиард некоторые, а вот в домино – никогда. Наверное, потому, что в этой игре главное – замах и удар. Если «рыбу» или «дупель» просто положить из руки, а не грянуть об стол – то это не игра. Тут как раз случилась «рыба», и партия закончилась.

Приглашение женщине последовало, и стаканчик был поднесен.

Кругами возле нас на великах барражируют пацаны, тоже ждут приглашения. Но им нельзя, нечего поважать. Впрочем, один налажен за добавкой, потому как бутылка хоть и ноль-семь, а не резиновая, и быстро кончается.

Надо заметить, что грелка, в которой выпивку под ремнем носят на работу, хоть и резиновая как раз, а все равно быстро кончается в обеденный перерыв. Но на работе много и не надо.

Пили из той бочки, считай, все.

Ни один не протек.

То есть – не нашлось на весь поселок ни одной падлы-мышки, какая бы махнула доносик.

То есть – народ у нас оказался хороший, когда доходит до главного. А то ведь чихнуть не успеешь, как донесут – начальнику, теще, бабе.

И мы стали себя за это уважать.

С нами можно в разведку. Нам можно доверить секрет – даже и побольше этой большой бочки, впрочем, ее никто не видел в глаза, а хозяина так и не вычислили, потому как вся торговля шла через двух ханыг.

И – грело, что мы тоже можем взять себе в достояние что-то большое, не все ж на нас ездить.

Об чем тут речь, было в годы, когда водки не на каждом углу залейся, а по талонам пару пузырей в одни руки в двух магазинах – вы их знаете: железнодорожном и номер первом. Про это дело рассказывать – надо целый роман, и начинать с утра, а то к вечеру не кончишь. Молодые вы еще.

А большая бочка так и осталась под полом в гараже.

И в проспиртованной полости ее – лежит народное сердце.